

ДВА ПУТИ ¹⁾.

Какъ для встрѣчи любимаго царя земного жители стекаются къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ ему надлежитъ проходить,— такъ и нынѣ вѣрующіе стеклись къ подножію Св. Креста, чтобы облобызать его и поклониться Распятому на немъ. И какъ воины, облекшись въ лучшіе уборы свои, выходятъ для встрѣчи своего воинскаго знамени, чтобы воздать ему подобающія почести, такъ и мы, возлюбленные братіе, собрались нынѣ для чествованія воздвигаемаго знамени спасенія нашего, Честнаго и Животворящаго Креста Христова: въ знакъ этого (чествованія) мы нарочито зажгли наши свѣтильники; въ знакъ этого душистыми цвѣтами мы украсили подножіе Животворящаго Древа; торжественныя пѣснопѣнія церковныя огласили своды нашихъ храмовъ и пѣніе людей сопровождалось колокольнымъ звономъ.—Только звонъ этотъ скорѣе нынѣ погребальный, чѣмъ праздничный; также пѣснопѣнія наши скорѣе печальны, чѣмъ радостны; не клики побѣды слышатся въ нихъ, а плачь и рыданіе сокрушеннаго сердца, и строгій постъ заповѣдала нынѣ Церковь чадамъ своимъ. Но почему же такъ? Или христіане не съ надеждою, а со скорбію взираютъ на Святый Крестъ? Или воинство Христово не радо увидѣть свое побѣдоносное и животворящее знамя?—Нѣтъ, братіе, сердца наши полны любовію къ нему, духъ нашъ съ умиленіемъ внимаемъ знакомымъ печальнымъ напѣвамъ въ честь его, а главы и колѣна невольно склоняются къ подножію Животворящаго Древа. Но причина нашей печали заключается въ томъ,

¹⁾ Слово въ день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня, сказанное за литургіей въ Покровской церкви Московской Духовной Академіи 14 сент. 1897 года.

что на знамени мы видимъ Вождя нашего *распятымъ*, — на раменахъ Животворящаго Древа виситъ Его бездыханное тѣло: мы видимъ Его главу, изъязвленную терніемъ, видимъ руки и ноги, пробитыя гвоздьми, — видимъ, какъ ребра Его прободаются копіемъ и пречистая кровь струится на землю... Вотъ причина скорби церковной. Такъ печаль охватываетъ сердца воиновъ, когда они во время брани увидятъ своего военачальника убитымъ, — и часто бываетъ въ такомъ случаѣ, что всѣ они бѣгутъ съ поля сраженія, давая возможность непріятелямъ окончательно побѣдить ихъ.

Итакъ, что же сдѣлаемъ, братіе? Обратимся-ли и мы въ постыдное бѣгство изъ боязни, что непріятели наши, убивши нашего Вождя, нападутъ на насъ смѣлѣе и мы неминуемо погибнемъ? Но въ данномъ случаѣ бѣгство не помогло бы намъ, ибо *„нѣсть наша брань къ плоти и крови, какъ говоритъ св. Апостоль Павелъ, — но къ начальникомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ тмы въка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ“* (Ефес. VI, 12), — отъ нихъ не убѣжишь. Да и зачѣмъ бѣжать, когда они не ожидаютъ нашего бѣгства, но сами бѣгутъ отъ насъ, носящихъ на себѣ крестъ Христовъ?! Къ ужасу своему они видятъ, что не умеръ Тотъ, Кого они распяли руками іудеевъ, а напротивъ послѣ кратковременной тѣлесной смерти — Онъ снова во вѣки живетъ и снова собираетъ вокругъ Себя на время разсѣявшихся Своихъ учениковъ и послѣдователей. „Не бойся, малое стадо, — говоритъ Онъ, — не бойся, ибо Я не оставлю васъ сирыхъ, но наки прииду и пойму вы съ Собою, да идѣже есмь Азь, ту и слуга мой будетъ (Іоан. XII, 26; XIV, 3. 18). Только сами вы не отказывайтесь отъ этого, но *„аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да и послѣдствуетъ“*: кто служитъ Мнѣ, тотъ пусть идетъ за Мною (Іоан. XII, 26; XX, 17. Это призывъ Господа нашего Иисуса Христа, который пшѣ со Креста Онъ безмолвно дѣластъ намъ.

Но скажи намъ, Господи, путь Твой, которымъ заповѣдалъ Ты слѣдовать ученикамъ Твоимъ за Тобою; укажи средства, которыя Ты благоволилъ даровать намъ для этого. „*Иже аще хошетъ по Мнѣ ити, говоритъ Онъ устами евангелиста Своего Марка, — да отвержется себе и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ“* (VIII, 34). —

Итакъ, вотъ путь для слѣдованія за Христомъ и для спасенія души нашей, который напоминаетъ намъ св. Церковь, воздвизая нынѣ Животворящее Знамя нашего спасенія. Объ этомъ пути, полагаемъ, весьма благовременно по бесѣдовать нынѣ. Въ немъ, какъ видите, заключаются три стадіи или три ступени, чрезъ которыя вѣрующій восходитъ къ Богу своему и достигаетъ обителей небесныхъ, это—самоотверженіе, взятіе креста своего и послѣдованіе за Господомъ. Первая изъ нихъ требуетъ, чтобы мы забыли самихъ себя для этого великаго дѣла, отказались отъ своей воли для выполненія воли Божіей, бросили наши грѣховные обычаи и привычки для совершенія закона Господня.— Тяжело, братіе, отказаться даже отъ простой житейской вещи; еще тяжелѣе отречься отъ любимаго нами предмета; но всего труднѣе забыть самого себя для чего-либо другого,— но въ данномъ случаѣ иного пути нѣтъ, и всякій, кто желаетъ спасти душу свою, долженъ неминуемо идти этимъ путемъ самоотверженія. „Азъ есть путь“ и „иже аще хочеть ко Миѣ ити, да отвержется себе, говоритъ Господь. Слѣдовательно, движеніе впередъ возможно только въ томъ случаѣ, когда выполнено это первое условіе. Впрочемъ, примѣры самоотверженія вы видите и въ обыденной жизни, испытываете даже на самихъ себѣ. Вы сами отрекаетесь себя, когда начинаете учиться чему-нибудь новому, ибо тогда вы забываете о своемъ умѣ, а слушаете и вѣрите, что скажетъ учитель. Вы сами отвергаетесь себя, когда, желая вылѣчиться отъ тяжелой и опасной болѣзни, во всемъ полагаетесь на искусство врача и отдаете себя въ его руки. Извѣстно вамъ, далѣе, какъ забываетъ о себѣ во время битвы воинъ, отдавая свою жизнь въ безусловное распоряженіе военачальника; какъ жертвуетъ собою тотъ, кто бросается въ воду, чтобы спасти утопающаго, и т. д. Поэтому, не нужно доказывать, что если кто-нибудь не вѣритъ учителю или не подчиняется волѣ воспитателя, то остается невѣждой и невоспитаннымъ; если не слушается врача, то даетъ развиваться болѣзни до неизлѣчимости; если не повинуется военачальнику, то и себя и его лишаетъ побѣды; если не бросится въ воду, то утопающій погибнетъ, и т. д.— Не нужно доказывать, что во всѣхъ этихъ случаяхъ самоотверженіе необходимо, ибо сія истина очевидна

для всѣхъ. Но если самоотверженіе такъ необходимо для успѣха въ обыденныхъ дѣлахъ человѣческихъ, то, конечно, оно гораздо болѣе необходимо въ дѣлѣ спасенія нашей души. И если тамъ оно простирается иногда до смерти, то тѣмъ болѣе здѣсь. Но тамъ грозитъ смерть тѣлесная, а здѣсь ближайшимъ образомъ требуется *„смерть ветхаго человека съ дѣланьями его“* (Кол. III, 9); здѣсь требуется, чтобы мы отвергли срамное, разодранное и грязное одѣяніе души, которое наша воля сшила для нея изъ грѣховъ и пороковъ, изъ плотскихъ страстей и привязанностей, изъ суемудрія, мірскихъ обычаевъ и свѣтской моды, — чтобы мы отвергли это подобно тому, какъ сбрасываемъ съ плечъ грязное рубище, чтобы надѣть чистую одежду; здѣсь требуется *„распяты плоть свою со страстьми и похотьми“*, по выраженію Апостола (Гал. V, 24), если мы желаемъ остаться подъ знаменемъ Креста Христова, какъ вѣрные воины остаются подъ своимъ воинскимъ знаменемъ въ опасную минуту битвы. Это будетъ начало слѣдованія за Христомъ.

Восходя на вторую ступень этого пути, человѣкъ необходимо долженъ взять на себя крестъ свой. Крестъ необходимъ для насъ, какъ виѣшнее средство для умерщвленія грѣховныхъ склонностей нашихъ, ибо ветхій человѣкъ, и будучи отвергнутъ, не перестанетъ нападать на насъ то чрезъ похоть плоти, то чрезъ похоть очесъ, то чрезъ гордость житейскую. Нынѣ, конечно, нѣтъ необходимости разумѣть здѣсь въ собственномъ смыслѣ деревянный крестъ, на которомъ въ древности распинали преступниковъ. Но, сообразно съ характеромъ нашего вѣка, въ ближайшемъ смыслѣ здѣсь разумѣется нравственный, духовный крестъ, который умерщвляетъ наше самолюбіе и злую волю, нашу чувственность и другія страсти. Въ понятіе такого креста входятъ: бѣдность и лишенія, безчестіе и клевета, болѣзни и слабости, потеря сродниковъ и друзей и всѣ вообще несчастные случаи, вся совокупность огорченій, искушеній и бѣдствій, однимъ словомъ, — всѣ людскія печали и все земное горе.

Но, Господи! — развѣ мало печалей, заботъ и лишеній у насъ? Развѣ мало горькихъ слезъ и рыданій, болѣзней и смертей между несчастнымъ родомъ человѣческимъ? Это-

ли не крестъ, который всѣ мы несемъ и отъ котораго никто не свободенъ? Зачѣмъ же Ты еще велишь намъ взять крестъ нашъ? Да, братіе, всѣ мы несемъ тотъ или иной крестъ, но не всѣ восходимъ чрезъ него въ царство Божіе. Всѣ мы трудимся, но не всѣ получаемъ награду за трудъ. Несъ крестъ свой и разбойникъ, хулившій Христа. И преступникъ, отбывающій каторгу, и воръ, содержимый въ тюрьмѣ, оба несутъ крестъ свой, но оба дѣлаютъ это перѣдко съ отвращеніемъ и проклятіемъ на устахъ. И обиженный несетъ крестъ, но со злобнымъ намѣреніемъ отмстить обидчику; и бѣднякъ несетъ крестъ свой, но съ завистию къ богачу; и подчиненный несетъ крестъ свой, но съ ненавистью къ своему злему начальнику и т. д., такъ что у каждаго изъ насъ есть своя ноша, но только не всѣ мы съ пользою трудимся подъ тяжестью ея. Мы считаемъ свою ношу гораздо болѣе тяжелою, чѣмъ у другихъ, забывая при этомъ, что сосѣди наши то же самое думаютъ о своихъ ношахъ. Мы увѣрены, что если бы наше личное положеніе измѣнить соотвѣтственно нашимъ желаніямъ, то мы были бы совершенно довольны и несли бы крестъ свой съ радостію. Но при этомъ мы снова забываемъ, что прежде съ нами *происходило* такое измѣненіе, между тѣмъ мы были *всегда* недовольны своей судьбой и всегда *снова желали* переменъ. Какъ наглядный примѣръ, преданіе церковное сохранило намъ разсказъ объ одномъ нетерпѣливомъ челоувѣкѣ, который просилъ у Бога этой возможности переменъ свой крестъ и выбрать другой по своему вкусу. По желанію его, во снѣ явился ему нѣкоторый мужъ и пригласилъ слѣдовать за собой. Войдя въ большую комнату, проводникъ указалъ этому челоувѣку безчисленное множество крестовъ, стоявшихъ тамъ подъ покрывалами, и предложилъ ему сдѣлать выборъ. Обрадованный челоувѣкъ бросился къ самому малому кресту, думая, что этотъ будетъ и самый легкій. Что же оказалось? Ухвативъ его руками, челоувѣкъ не могъ даже приподнять его, ибо крестъ былъ изъ камня и желѣза. Опечаленный, онъ идетъ къ другому, беретъ на плечи, но чувствуетъ, что ребра креста рѣжутъ его тѣло, — и оставляетъ его. Приходитъ къ третьему и видитъ, что этотъ по силамъ, но покрытъ отвратительной нечистотой, и опять оставляетъ; беретъ еще и еще,

но каждый разъ что-нибудь мѣшаетъ ему остановить свой выборъ, такъ что человѣкъ испыталь все находящіяся въ комнатѣ кресты, пока добрался до весьма легкаго и удобоносимаго; но, увы, этотъ крестъ, хотя весьма легкій, — ибо былъ пустой внутри, — оказался такихъ громаднхъ размѣровъ, что пришлось и его оставить. Въ отчаяніи онъ схватываетъ послѣдній изъ оставшихся крестовъ, забытый въ сторонкѣ, и чувствуетъ, что этотъ самый для него удобный. Тогда проводникъ говоритъ ему: „это и есть тотъ самый крестъ, который ты носилъ до сего времени и которымъ ты былъ недоволенъ“. Такъ и каждому изъ насъ, братіе христіане, данъ отъ Господа крестъ какъ разъ по нашимъ силамъ, ибо Господь знаетъ эти силы и *„не оставитъ насъ искутитися паче, нежели можемъ понести“* (1 Кор. X, 13). Но чтобы крестоношеніе наше было благодотворно для насъ, нужно совершать его добровольно, а не въ силу только необходимости житейской, нужно нести крестъ нашъ съ усердіемъ, а не съ отвращеніемъ и ропотомъ на Бога или на людей, съ смиренной покорностью волѣ Божіей и съ твердымъ убѣжденіемъ въ его полезности и необходимости. При этомъ нужно думать не о томъ, что нашъ крестъ тяжелъ для насъ, а о томъ, что чрезъ него мы приближаемся къ Богу и что не безъ Божьяго поущенія мы терпимъ то или другое несчастіе. Въ такомъ случаѣ и тяжелый крестъ будетъ удобоносимымъ, и трудный — болѣе полезнымъ, чѣмъ легкій. Ибо за легкій трудъ и награда мала, а за тяжкій ты сядешь съ царемъ. (Апок. III, 21).

Теперь, когда христіанинъ рѣшился взять крестъ свой, для него остается третья и послѣдняя ступень въ дѣлѣ спасенія его души. Какъ мы сказали, она состоитъ въ томъ, чтобы слѣдовать за Христомъ. Можно, братіе, страдать и терпѣть, но въ то же время не идти за Христомъ, если руководствоваться не Его примѣромъ и Евангеліемъ, а своимъ умомъ или превратно понятыми примѣрами другихъ. Напримѣръ, человѣкъ впадаетъ въ крайности, если устремляется къ высшимъ подвигамъ, которые ему не свойственны, а забываетъ ближайшее, хотя и меньшее, но для него необходимое. Не за Христомъ идетъ тотъ мужъ, когорый желалъ бы подражать великимъ подвижникамъ, а

не можетъ терпѣливо переносить характера своей сварливой и капризной жены. Не для Христа работаетъ купецъ, пускаясь въ опасное морское плаваніе, перенося всѣ бури и опасности пути, но имѣя цѣлю лишь увеличить свое состояніе. Не для Христа трудится военачальникъ, который заводитъ брань съ сосѣдами, имѣя въ виду расширить свои владѣнія и создать себѣ славу; не за Христомъ слѣдуетъ чиновникъ, который терпѣливо проходитъ низшія должности своего званія, но съ затаеннымъ желаніемъ поскорѣе выбратъ наверхъ, составить себѣ положеніе и обезпеченность. Въ своемъ несеніи креста эти люди подобны тому земледѣльцу, который до пота лица и до изнеможенія трудился цѣлый день за работой, а вечеромъ растратилъ свой заработокъ въ увеселительномъ мѣстѣ. Понятно, что какъ царь не награждаетъ этого земледѣльца за его работу, такъ не награждаетъ и Господь Богъ тѣхъ, которые въ крестоношеніи преслѣдуютъ свои личныя цѣли, слѣдуютъ не за Христомъ, а сами за собой. Поэтому пужно помнить, что когда велятъ идти съ крестомъ на плечахъ, то ясно, что это не на бракъ и не на ширшество. Напротивъ, когда нужно идти за Господомъ, то нельзя не прійти на Голгоу; а пріяв туда, слѣдуетъ предать себя на распятіе и положить душу нашу къ подножію креста Христова, чтобы вмѣстѣ съ благоразумнымъ разбойникомъ услышать Его блаженный гласъ: *„днесъ со Мною будещи въ рай“*. Такъ исполнится предсмертный завѣтъ Его, который былъ указанъ нами въ началѣ нашего слова: *„аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдуетъ“*... и *„идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ“*...

Теперь, братіе, посмотримъ и на то, что случится съ человѣкомъ, если онъ не желаетъ слѣдовать за Христомъ, а избираетъ для себя другой путь, надѣясь спастись чрезъ блага міра сего и своими силами.—Какъ трусливый воинъ, бѣгущій съ поля сраженія и думающій, что спасется,—легко попадаетъ въ руки враговъ и безчестно погибаетъ,—такъ, къ несчастію, случается и съ христіаниномъ, который удаляется отъ Христа. Сначала вдали онъ видитъ какъ будто счастье и спасеніе: онъ видитъ высокіе холмы чело-ческихъ почестей, которыхъ надѣется достигнуть; ему кажется, что слава издали манитъ его къ себѣ, что обиль-

ныя яства и питія готовы напитать его тѣло, что всевозможныя удовольствія, груды золота и камней драгоценныхъ удовлетворяютъ всѣ его прихоти, что обширныя пространства земли ждутъ его приказанія, чтобы отдать ему плоды свои; безконечныя воздушныя области готовы принять его въ себя, чтобы показать ему составъ атмосферы, объемъ солнца и звѣздъ, силу вѣтра и электричества, разстояніе земли отъ неба; сокровенныя нѣдра земли открываются предъ нимъ, чтобы явить ему тайны свои; бурныя волны морскія послушно несутъ его на своихъ могучихъ и страшныхъ хребтахъ; наконецъ, толпы людей ждутъ его взгляда, чтобы преклониться предъ нимъ. Такимъ образомъ, ему кажется, что цѣлый міръ въ его власти. И человекъ бѣжитъ, безумно бѣжитъ въ эту сторону, задыхаясь отъ усталости, спотыкаясь и падая, чтобы доставить удовлетвореніе похоти очесъ своихъ, похоти плоти и гордости житейской. Одно только онъ забываетъ въ этой погонѣ за благами міра — и притомъ самое главное: онъ забываетъ душу свою, пренебрегая ея вѣчнымъ спасеніемъ. — Въ самомъ дѣлѣ, какую цѣною человекъ можетъ приобрести міръ сей, который прельщаетъ его? Вѣдь въ этомъ мірѣ есть „*князь міра сего*“, — отдастъ ли онъ человеку все то, чего тотъ ищетъ и чего желаетъ? — Да, братіе мои, — отдастъ, но при непремѣнномъ условіи, чтобы человекъ *поклонился ему*. Онъ уже предлагалъ все это за поклонъ нашему Спасителю въ пустынь; отдастъ и теперь, если увидитъ, что иначе ему не купить души человѣческой, ибо онъ знаетъ цѣну міра и цѣну души, — знаетъ, что весь міръ стоитъ дешевле, чѣмъ одна душа человѣческая. Впрочемъ, нынѣ онъ покупаетъ наше поклоненіе гораздо дешевле, чѣмъ тогда въ пустынь: за кусокъ земли, за нѣсколько монетъ, за лишнее блюдо, за коня, за связку дровъ, за ласковое слово отъ людей — человекъ готовъ забыть Бога и поклониться князю міра сего. Между тѣмъ, „*какая польза человеку*“, по слову Господа, *аще міръ весь обратитъ, душу же свою отщепитъ? Или что дастъ человекъ измѣну на души своей*“ (Мрк. VIII, 36—37)? Оставляя свое мѣсто въ рядахъ воинства Христова подъ знаменемъ сего Животворящаго Креста и думая, что чрезъ это бѣгство онъ спасетъ душу свою, человекъ неминуемо

попадаетъ въ руки враговъ Христа и Креста, которые, яко львы рыкая, ходятъ вокругъ лагеря св. Церкви, ища неосторожныхъ, — и погнбаеть, ибо „*нѣтъ инаго имени подѣ небомъ, даннаго чловѣкамъ, которымъ надлежало бы намъ спастись, кромѣ имени Христа*“, какъ говоритъ св. Апостоль (Дѣян. IV, 10—12), а напротивъ „*всѣ удаляющіеся отъ Бога погибнутъ*“, по слову царя и пророка Давида (Псал. LXXII, 27).

Итакъ, братіе возлюбленные, предъ нами два пути: путь слѣдованія за Господомъ, съ крестомъ на плечахъ, полный страданій и горя, по приводящій въ царство Божіе, — и путь міра сего, повидимому — пріятный, легкій и привлекательный, но ведущій къ погибели. Предъ нами жизнь и смерть, добро и зло, и намъ самимъ предоставлено сдѣлать выборъ между ними, ибо Господь никого не принуждаетъ слѣдовать за Нимъ, но желаетъ и цѣнить лишь добровольную рѣшимость чловѣка предать себя подѣ иго Христово. Впрочемъ, для тѣхъ, которые уже рѣшились слѣдовать за Нимъ, — нѣтъ выбора: ихъ путь — самостреченіе, крестъ и добровольное слѣдованіе за Христомъ. Но св. Церковь не забываетъ и тѣхъ, которые еще медлятъ на распутіяхъ міра сего, или идутъ въ противоположную отъ нея въ сторону. Какъ въ военномъ лагерѣ поднимаютъ воинское знамя, чтобы собрать разсѣявшихся, возвратить заблудшихъ, ободрить утомившихся отъ ратныхъ трудовъ, возбудить лѣнливыхъ къ подвигамъ, — такъ и Церковь, воздвизая нынѣ свое Животворящее Знамя, собираетъ подѣ крилѣ свои разсѣявшихся, заблудшихъ и лѣнливыхъ чадъ своихъ, чтобы подѣ кровомъ этого Знамени вести ихъ вмѣстѣ съ первыми въ обители Отца Небеснаго, которыя Онъ уготовалъ любящимъ Его.

Иером. Иннокентій.
